

А. Д. Хлутков¹,
Н. М. Межевич²

ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА РОССИЙСКОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА: В КРУГУ БАРЬЕРНЫХ И КОНТАКТНЫХ ФУНКЦИЙ ГРАНИЦЫ

Начало XXI века изменило сложившуюся картину экономического развития мира и его ведущих стран. Реальностью стали новые планетарные процессы интеграции в единое целое рынков, финансов, экономики, объединяемые в настоящее время в понятие «глобализация». Причинами стремительного развития экономической глобализации прежде всего являются основные потребности современной экономики и общества:

¹ Директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политика обеспечения экономической безопасности России в условиях глобализации», «Национальная финансовая политика в обеспечении экономической безопасности государства», «Развитие городов: теоретические и методические аспекты» (в соавт.), «Глобальный индекс экстремизма» (в соавт.) и др.; учебных пособий: «Основы экономической безопасности бизнеса» (в соавт.), «Основы бескризисного государственного управления в эпоху глобализации» (в соавт.) и др. Награжден орденом Почета, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени.

резко уплотнившийся рынок, усиление конкуренции, ограниченность основных ресурсов³.

² Главный научный сотрудник, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН, президент Ассоциации прибалтийских исследований, эксперт Международного института мониторинга развития демократии Межпарламентской ассамблеи СНГ, доктор экономических наук, профессор. Автор более 580 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Стратегическое управление межрегиональным взаимодействием в России», «Государства Прибалтики 2.0. Четверть века „вторых республик“», «Идентичность и границы: актуальные вопросы теории и реальности восточной части Балтийского региона», «Новые императивы развития российской экономики в условиях взаимных торговых и финансовых ограничений» (в соавт.), «Некоторые аспекты эволюции пространственного устройства Российского государства» (в соавт.), «Международный контекст российской политики хозяйственного освоения Арктики» (в соавт.) и др. Член редакционного совета журналов «Управленческое консультирование», «Балтийский регион». Член Русского географического общества.

³ См.: Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Ткачев С. А. Границы и приграничное сотрудничество в России как результат глобализационных вызовов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. 2017. № 4. С. 68–76.

Анализ современных тенденций мирового развития предполагает, что XXI век, вероятно, станет эпохой противостояния двух тенденций: стремления национального государства сохранять свой суверенитет и попыток игнорирования границ национального государства в результате расширения и углубления процесса глобализации и деструкции ялтинской системы¹. «Многонациональные корпорации и международные банки мира зависят от свободного потока товаров и капитала, лоббируя продвижение принципов экономической глобализации и либеральной рыночной идеологии за пределами государств их происхождения. Это обуславливает и системную политику распространения западной системы ценностей, их навязывание иным государствам, стремящимся сохранить собственную этническую и культурную идентичность, историческую память, автономию и независимость в проведении экономического и политического курса»². Иными словами, глобализация «взламывала» границы как в экономике, так и в политике. При этом до определенного момента глобализационные процессы приносили вполне очевидный экономический эффект, и с негативными проявлениями этих процессов вынужденно мирятся и в России, и на Северо-Западе России.

Л. Фоссет справедливо отметила, что «регионализация мировой экономики отчасти является результатом противодействия государств разрушительным последствиям глобализации»³. Первые два десятилетия нового века показали, что «в ответ на рост социальных издержек и проблем макроэкономического управления все большее число стран будет стремиться оградить свои рынки, компании и в целом хозяйственные комплексы от неблагоприятного внешнего воздействия»⁴.

Экономическое значение государственных границ следует оценивать с различных точек зрения. С позиции общемировых (глобальных) процессов границы препятствуют развитию интеграционных экономических процессов, создают территориальные социально-экономические различия и одновременно возможность трансграничного и приграничного сотрудничества. Для выявления объективных хозяйственных тенденций экономические границы имеют большее значение. С точки зрения национальных интересов страны их роль также противоречива. Интеграционный характер экономики в прошлом вступает в противоречие с особенностями хозяйства современной конкретной страны, чему способствуют границы. Фактор приграничности имеет особое значение в теневой экономике⁵.

¹ Максимцев И. А., Межевич Н. М. Уроки эволюции глобальной экономики и перспективы евразийской интеграции // Изв. С.-Петербург. экон. ун-та. 2023. № 1. С. 7–11.

² Арапова Е. Я., Юрова Н. В. Политическая экономия и международные отношения сегодня // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 1. С. 10.

³ Fawcett L. Regionalism in historical perspective // *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order* / ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1995. P. 26.

⁴ Европа в кризисном мире / под ред. Ал. А. Громыко М.: ИЕ РАН, 2022. С. 350.

⁵ См.: Жабров А. А., Межевич Н. М., Леонтьева А. Н. Развитие приграничного сотрудничества — цель и совокупность задач стратегического развития Северо-Запада Российской Федерации // Псковский регионологический журнал. 2011. № 12. С. 3–9.

Советский Союз как единое целое и Ленинград с Ленинградской областью как его часть с точки зрения внешних связей большую часть времени находились в геоэкономической изоляции разной степени. Граница, причем с капиталистической Финляндией, была рядом, но недоступна. И это в условиях, когда для Ленинградской области и Ленинграда существовала единственная внешняя граница — с Финляндией, отношения с которой были сугубо дружественными. Торговля с этой страной осуществлялась через переводной рубль. Советские туристы в Финляндию ездили редко, но финские туристы, как мы прекрасно помним, с 1970-х годов достаточно хорошо освоили дорогу в Ленинград.

Ленинград и Ленинградская область, конечно же, имели особый статус в СССР, более того, даже некоторые полномочия во внешнеэкономической сфере. Существовало объединение Ленфинторг, осуществлявшее бартерные сделки, позволявшие решать некоторые проблемы обеспечения огромного города товарами первой необходимости в обмен на сырьевые поставки. Граница была «на замке», и говорить о серьезном влиянии внешнеэкономических связей с Финляндией на модель социально-экономического развития Ленинграда и Ленинградской области было бы некорректно. В советское время за граница воспринималась как нечто чуждое и враждебное. Граница соответственно выполняла барьерную, а не контактную функцию. Цивилизационный барьер разделял Россию и остальной мир, причем символом барьера была именно граница. Контакты и связи с миром осуществлялись на самом высоком уровне, приграничных и трансграничных связей практически не существовало. «Финский дух» (или финские товары) в Ленинградской области были столь же видны, как и в Магаданской области.

Распад Советского Союза привел к принципиальному пересмотру точек зрения на обеспечение национальной безопасности государства. Новое экономическое, политическое и географическое положение России как государства-правопреемника нуждается в определенном осмыслении. Следует отметить, что целый ряд экономических, военных, политических задач, стоявших перед СССР, оказался как бы унаследованным Россией. При этом государство и его соответствующие институты были вынуждены взять на себя обеспечение интересов страны даже в том случае, если экономические, политические и географические возможности для этого существенно сократились⁶.

Не касаясь вопросов распада Советского Союза, ограничимся определением, которое дал заместитель директора Института Европы РАН, член-корреспондент РАН В. П. Федоров: «...новая власть наносила себе поражения одно за другим, отдавая в чужие руки отечественную географию и историю»⁷. Разумеется, этот процесс был нелинейным, и помимо отрицательных последствий на региональном уровне проявились и положительные.

⁶ Межевич Н. М., Шамахов В. А. Современность и традиция в российской геополитике (статья первая) // Управленческое консультирование. 2020. № 1 (133). С. 10–19.

⁷ Федоров В. П. Актуальные уроки: против односторонних уступок // Аналитическая записка. 2017. № 7 (80). С. 2.

С 1992 года внешние и внешнеэкономические связи с Финляндией непрерывно росли. Помимо государства акторами этих связей становился крупный, средний и мелкий бизнес, сотни тысяч жителей региона получали финские визы. Взаимовлияние Юго-Восточной Финляндии и Северо-Запада России не нужно было доказывать — оно было очевидно даже на местности, в ландшафте.

Разумеется, в соответствии с законами диалектики, помимо абсолютно очевидных положительных моментов, были и отрицательные, к примеру хорошо известные представителям правоохранительных органов. Тем не менее и в России, и в Финляндии выражали удовлетворение развивающимися внешними связями. Примерно так же развивалась ситуация в других регионах России, являющихся пограничными, однако для Ленинградской области эти процессы были модельными, поскольку «окно в Европу» было прорублено еще Петром I, а затем закреплено в мировой культуре Александром Пушкиным. В начале 1990-х годов модель внешнеэкономической открытости вернулась и начала позитивно влиять на региональную экономику.

На определенном этапе казалось, что такая ситуация сложилась навсегда. Граждане России покупали собственность в Финляндии, постоянно росло число совместных предприятий, межэтнических браков (семей из граждан России и Финляндии). Укажем и на то, что Европейский союз поддерживал программы приграничного сотрудничества: вначале в рамках программы ТАСИС, а затем в рамках программ «Интеррег», «Россия — Юго-Восточная Финляндия», «Приграничное сотрудничество» и др.

Конечно же, российские края, области, республики имеют различный потенциал европейского сотрудничества. Интеграционные возможности нашего региона привели Ленинградскую область к членству в Ассамблее европейских регионов (АЕР), расказа о внешних связях Санкт-Петербурга в первые два десятилетия постсоветской эпохи мог бы быть очень долгим. К концу первого десятилетия XXI века возникла довольно интересная ситуация, когда жители Санкт-Петербурга могли в приграничной зоне Финляндии расплатиться рублями. Причем эта ситуация устраивала абсолютно всех. Затем все закончилось. Строго говоря, так и должно было произойти, внешняя и внешнеэкономическая открытость — это циклический процесс, после того как проэкспортная открытость достигает максимума, начинаются возвратные тенденции.

Предваряя последующий анализ, отметим, что трансграничные контакты могут быть не только благом. Профессор И. И. Сигов отмечал: «Становится все более обширной торговля приграничных российских регионов с соседними государствами в ущерб развитию внутрироссийских хозяйственных связей. Возникает экономическая основа для сепаратизма этих регионов и включения их в другие экономические системы, а не в единый народно-хозяйственный комплекс России»¹. Укажем на то, что это важнейшее наблюдение сделано в самом начале XXI века, в тот

момент, когда это понимали буквально несколько ведущих ученых.

Приграничные регионы занимают двойственное положение в экономическом пространстве государства, будучи одновременно и центром связей, и периферией своего государства. «Периферия как зависимая территория, которая контролирует в лучшем случае только свои ресурсы и испытывает влияние случайностей даже на дальних рынках; она изолирована от всех других регионов, кроме центрального, и в меньшей степени содействует коммуникационному потоку внутри территории; обладает незначительным культурным потенциалом, который фрагментарен и ограничен и не преобладает на политически определенной территории. Во всех этих сферах периферия зависит от одного или более центров...»²

Интеграция в мировое хозяйство, лавинообразно развертывающаяся в 1990-е годы, привела к переоценке накопленного регионального богатства. Для международного разделения труда наибольший интерес представляли извлечение, переработка, транспортировка природных ресурсов. Прогноз, что «сердцевинная Россия рискует оказаться забытой. Возникнут споры по поводу инфраструктуры („У меня есть нефтепровод, у тебя — нефть“)» полностью оправдался³. Борьба за влияние на сырьевой комплекс СССР стала подлинным содержанием передела собственности начала 90-х. Следует при этом помнить, что сбыт сырьевых ресурсов в силу особенностей взаимоотношений экономического комплекса СССР с внешним миром не предполагает значимого влияния на мировое ценообразование.

Суверенизация российских регионов означала их подлинную колонизацию: полная зависимость от одноканального экспорта сырья без влияния на сырьевой рынок свидетельствует о том, что вы являетесь именно колонией⁴. Такая ситуация могла бы считаться вынужденной нормой в 1993 году, но в 2023-м позиционируется только как тупиковый путь развития.

Согласованная позиция наших оппонентов предполагает и адекватную реакцию на национальном и региональном уровнях. Внешние связи регионов, не без оснований рассматривавшиеся как конкурентные преимущества, в настоящее время становятся обременением для ряда ключевых регионов.

Подведем итоги. В начале 2023 года лидеры стран ЕС еще раз заявили о том, что не будут менять политику в отношении России. Подобная «целеустремленность» приводила к глобальным катастрофам и в XIX, и в XX веке. Желание организовать кризис у российских границ привело к необычному экономическому результату: «Международные инвесторы — люди консервативные... поэтому если у русских что-то с тре-

² Rokkan S., Urwin D. W. Introduction: Centres and Peripheries in Western Europe // The Politics of territorial Identity. Studies in European Regionalism / ed. by S. Rokkan, D. W. Urwin. L. ; Beverly Hills ; New Delhi : SAGE publications, 1982. P. 5.

³ Проблема регионализации России и факторы внешнего влияния // Школа целостного анализа. 1999. Вып. 5. URL: <http://kurg.rtcomm.ru/publ.shtml> (дата обращения: 24.02.2023).

⁴ Копылов А. Путин начинает демонтаж колониальной системы // GlobalRus : [сайт]. URL: <http://globalrus.ru/opinions/138508/> (дата обращения: 02.01.2005).

¹ Сигов И. И. Региональная собственность. СПб., 2001. С. 14.

ском валится, то и из соседних стран тоже для верности лучше вывести все, что возможно»¹.

Очередной доклад МВФ о состоянии мировой финансовой системы мира (Global financial stability report, April 2023), призванный дать оптимистическую трактовку ситуации, сообщает о проблемах: «Перспективы развития вновь представляются неопределенными на фоне потрясений в финансовом секторе, высокой инфляции... и трех лет пандемии COVID». Разумеется, авторы доклада упоминают и Украину, и проблемы в Восточной Азии. Главное, однако, не указано. Завершается (или завершился?) цикл, связанный с глобализацией, внешнеэкономической открытостью, наступает этап регионализации. Вопрос в том, как будут позиционироваться Санкт-Петербург и Ленинградская область в новых условиях, как будет выглядеть «поворот на Восток»? Как, утрачивая одни конкурентные проекты, приобретать другие, используя новую геоэкономическую ситуацию? Адекватные ответы на эти вопросы — задача не только национального, но и регионального уровня.

С нашей точки зрения, можно предположить следующие сценарии адаптации Санкт-Петербурга и Ленинградской области к новым экономическим и политическим условиям.

Пессимистический сценарий. В силу географического положения и специфики региональной экономики Санкт-Петербург и Ленинградская область более восприимчивы к внешнему воздействию и изначально

но имеющимся внутренним системным проблемам. Этот сценарий предполагает нарастание кризисных явлений, связанных с региональными, государственными и мировыми объективно имеющимися проблемами. Негативные эффекты этого сценария являются труднопреодолимыми по характеру. По времени действия эти вызовы, скорее всего, могут быть позиционированы как долгосрочные. Преодоление этих вызовов, в том числе внешней изоляции, в конечном счете невозможно. Скорее всего, будет реализован сложный сценарий принудительной адаптации.

Наиболее вероятный сценарий может быть назван реалистичным. Оптимистического, беспроblemного сценария в стиле «пождем — и проблема сама собой решится» не будет, в текущих условиях этот вариант просто невозможен. Реалистичный сценарий предполагает, что характер внешних вызовов для Санкт-Петербурга и Ленинградской области не изменится, но в рамках мобилизационного усилия регионального уровня, а также при поддержке федерального центра негативные факторы развития могут быть купированы. К примеру, при сокращении «балтийского» плеча развития успешно будет развиваться «арктический» вектор.

История и география Санкт-Петербурга свидетельствуют о том, что текущие сложности далеко не первые в нашей региональной практике. Однако каждый раз они преодолевались. Ветер с Востока победит ветер с Запада.

¹ *Саморуков М.* Как российская девальвация накрыла Восточную Европу // Delfi : [сайт]. URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/versions/maksim-samorukov-kak-rossijskaya-devalvaciya-nakryla-vostochnuyu-evropu.d?id=45382824#ixzz3PNSgeVg7> (дата обращения: 25.12.2022).